

В. Г. Белинский

Римские элегии. Сочинение

Гете. Перев. А.

Струговщикова

Виссарион Григорьевич Белинский

**Римские элегии. Сочинение
Гете. Перев. А.
Струговщикова**

«Римские элегии», произведение юности Гете, принадлежат к роскошнейшим плодам его творческой деятельности, к самым фундаментальным опорам его поэтической славы. Кроме того, они относятся к тем из его созданий, которые наиболее характеризуют его объективный гений...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Римские элегии. Сочинение
Гете. Перев. А.
Струговщикова**

РИМСКИЕ ЭЛЕГИИ. Сочинение Гете. Перевод А. Струговщикова. С.-Петербург. В тип. Е. Фишера. 1840. В 8-ю д. л. 60 стр.

Вот еще другое явление литературного мира, которое так же радует истинного любителя и знатока искусства, как и роман г. Лермонтова, хотя и принадлежит совершенно к другой сфере творчества, другому небу и другой стране. Но они оба изящны – и вот их сходство. Одно оригинальное произведение, другое переводное; оба они бесконечно выше всего, что вышло в продолжение нескольких лет из-под станков русских типографий.

«Римские элегии», произведение юности Гете[1], принадлежат к роскошнейшим плодам его творческой деятельности, к самым фундаментальным опорам его поэтической славы. Кроме того, они относятся к тем из его созданий, которые наиболее характеризуют его объективный гений. В те лета жизни, когда пожирающая эксцентрическая деятельность субъективного гения Шиллера изнемогала в борьбе с внешним миром, – спокойный, созерцательный, сосредоточенный гений Гете, под счастливым небом Италии, на лоне прекрасной природы, среди памятников древнего искусства, роскошно упивался действительностью, вполне переживал гре-

ческий период жизни и в пластических, античных образах священной эллинской музыки передал человечеству этот поэтический период своей жизни. Таково значение гения: его частное, его личное есть общее всего человечества. И вот почему я, это несносное слово в устах всякого другого, так важно, так глубоко знаменательно в устах великого поэта. Только невежды могут говорить, что «Римские элегии» – шалость гения. Странные люди! в чем у них мерка изящного? Они вешают его пудами, меряют аршинами, словно безграмотные книгопродавцы, которые, покупая у авторов рукопись, прежде всего пробуют на руке ее тяжесть и считают число листов. Для них «Россиада» Хераскова выше лирического стихотворения Пушкина, потому что *больше*. За недостатком внутреннего ясновидения, они осматривают глазами, забыв, что глаза есть и у быков, да еще пребольшие, а внутренние чувства только у человека...

В одной из следующих книжек «Отечественных записок» читатели найдут особую статью о «Римских элегиях», которые представляют собою такой обширный и важный

предмет, что его нельзя обсудить в рецензии газеты[2]. Теперь же мы только скажем, что перевод, если не равен подлиннику, то вполне достоин его. Строгая критика справедливо осудит неровность, шероховатость и неловкость некоторых стихов в переводе г. Струговщикова; но она же должна отдать ему справедливость в том, что он удивительно верно передает дух подлинника, передает именно то, что есть его сущность, жизнь, тот *букет*, который составляет характер и достоинство хорошего вина и которым можно называть невидимую жизнь, веющую в художественных созданиях и неуловимую ни для какого выражения на человеческом языке. Сверх того, и самые стихи г. Струговщикова большей частью пластичны, исполнены гармонии, а образы почти везде грациозны и благоуханны[3]. Вот элегия, которая вполне может служить доказательством справедливости нашего мнения о переводе г. Струговщикова:

*Весело, славно живу я здесь, на
классической почве;
Утро проходит в занятиях: чи-
тая творения древних,*

Ум постигает ясней век и людей
современных;
Ночь посвящаю богу любви: пусть
вполовину
Буду я только учен, – да за это
блажен я трикраты!
Впрочем, учиться могу я и тут,
как везде, созерцая
Формы живые лучшего в мире со-
зданья, в ту пору
Глазом смотрю осязающим, зря-
щей рукой осязаю,
Тайну искусства, мрамор и крас-
ки вполне изучая.
Если ж подруга уснет, я уношуся
далеко,
Глядя на образ прекрасной, где
жизнь и покой сочетались:
Мысли одна за другою текут ве-
реницей, и тщетно
Гаснет лампада! О тут, неска-
занно добрая,
Нежным дыханием сердце она со-
гревает, надолго
Римского лика черты в памяти
мне оставляя...

Вот она, дивная поэзия древности, рельеф-
ная, выпуклая, пластическая, как формы Ве-

неры Медичейской, вся обнаженная, целомудренно стыдящаяся своей прелестной наготы, вся проникнутая живым чувством упоительного наслаждения и вместе с тем скромная и деятельная!.. Это не стихотворения, а одно из тех дивных изваяний древнего резца, к которым так идет стих —

И дышит медь, и мрамор говорит!

Да, Гете нашел себе достойного переводчика у нас в г. Струговщикове. Остается желать, чтобы г. Струговщиков выправил, со временем, некоторые неровности (как в этой элегии выражение «несказанно добрая»), которые, при всей своей незначительности, подают пуристам против него оружие, и чтобы «Римские элегии» не были его последним переводом из Гете.

Комментарии

Белинский повторяет здесь ошибку, допущенную в его ранних статьях: «Римские элегии» написаны не молодым, а зрелым Гете (в 1788 г.).

[^^^]

Статью о «Римских элегиях» критик написал в 1841 г. (см. наст. изд., т. 4).

[^^^]

Переводами А.Н. Струговщикова из Гете Белинский заинтересовался еще в 1838 г. «Если Вы знакомы с Струговщиковым, – писал он И. И. Панаеву 10 августа 1838 г., – то попросите у него чего-нибудь для меня...» 11 октября того же года Панаев отвечал Белинскому: «Струговщиков с первой почтой пришлет Вам своих переводов; он весьма рад услужить Вам этим...» («В. Г. Белинский и его корреспонденты». М., 1948, с. 200). 22 февраля 1839 г. Белинский писал Панаеву: «Надеюсь еще сойтись с г. Струговщиковым... его элегии (имеется в виду перевод «Римских элегий»), пересланные ко мне через Вас, – я обязан им такими минутами, каких не много бывает в жизни. В этих прекрасных гекзаметрах душа моя купалась, как в волнах океана жизни». Столь же высоко характеризуя переводы Струговщикова в следующем письме Панаеву (от 25 февраля 1839 г.), Белинский прибавлял: «Прошу и умоляю г. Струговщикова не оставить меня и вперед своими трудами». А.Н. Струговщикову принадлежат также переводы «Клавиго»

(1840), «Фауста» (1856), «Вертера» (1865), многих лирических стихотворений, публиковавшихся главным образом в «Отечественных записках». Его переводы прозаических вещей Гете собраны в кн.: А.Н. Струговщиков. Переводы. Статьи в прозе. СПб., 1845.

[^^^]